

ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА В ПОВЕСТИ РУСТЕМА КУТУЯ «ОДНА ОСЕНЬ»

Валиуллина Р.Р.

REFLECTION OF THE NATIONAL PICTURE OF THE WORLD IN RUSTEM KUTUY'S STORY «ONE AUTUMN»

Valiullina R. R.

Повесть Рустема Кутуя «Одна осень» написана в 1980-х гг. В это время вместе со стихотворениями писатель выпускает в свет наполненные глубоким лиризмом повести, в которые входят также «Годовые кольца», «Дождь будет», «Яблоко пополам», «Пух летит с тополей», «Узелки на древе» и др. Перечисленные произведения объединяются в своеобразный цикл: они имеют общие темы, идеи, героев; стиль и структура характеризуются динамическим развитием сюжета и своеобразным поэтическим обрамлением, где едва ли не первую роль в широком философском смысле играет природа.

Р.Ф. Рахман, исследуя творческую индивидуальность писателя, справедливо отмечает: «Читая повести Рустема Кутуя, убеждаешься, как прекрасны могут быть самые обыкновенные вещи. Автор превращает прозу в поэзию, и мир ее пребывает в гармоническом равновесии, как весь поэтический мир Кутуя».

В повести «Одна осень» национальная картина мира проявляется на разных уровнях. Прежде всего,

в произведении встречаются национальные образы мужчины и женщины.

Например, к одной из главных проблем повести относится следующая: как человек может ужиться в противоречивом мире, может ли он благополучно существовать? Данный вопрос решается посредством введения героя по имени Саид – простого сторожа, готового помогать людям, мудрого и чуткого человека. Его образ является национальным для татар: сильный мужчина, добрый и внимательный, отзывчивый, не бросающий слова на ветер. В исследовании, посвященном изучению татарских паремий, отмечается, что для татар внешность мужчины отходит на второй план по сравнению с его духовным опытом и мудростью, внутренние качества мужчины наиболее ценны в глазах женщин, настоящий мужчина отвечает за свое слово. Образ Саида выступает светлым и не входящим в рамки материального мира, которому противостоит главный герой: «Он производил загадочное впечатление сильного человека. Слов тратил

мало, смотрел перед собой, уперев руки в колени»¹.

Саид помогает главному герою: «Бери яблоки. Сколько хочешь. Ходи и бери хорошие. Угощайся»²; «Чего надо, говори»³.

Щедрость является одной из важных черт мужчины в татарской картине мира, именно это качество присуще Саиду. При этом герой знает цену своему труду: он догадывается, что Ильзатару нужен хороший ужин, и за небольшую плату ловит для него кролика, избавляя последнего от хлопот.

Приближенным к образу Саида выступает старик («папа» Гузель), он предстает в повести как блаженный, мудрый старец, познавший жизнь во всех ее чертах, и потому никуда не спешащий и не ропщущий на свою судьбу: «Я почти ничего не знаю о нем. Об этом блаженном, глухом, трудно передвигающемся старике... своей племяннице или внучке... говорит каждый вечер о необыкновенной легкости, посещающей его в эти тяжелые сумерки осени»⁴; «Один его голос звучит неспешным, уговаривающим монологом среди спадающих листьев, голос несуетливого человека»⁵; «...старик, должно быть, пообвыкся, обходясь малым, прозревая догадкой, – за спиной как-никак целая жизнь, – одна война чего стоит... Тут небось всего накопилось разного, вот и помудрел. Глухому дано себя прослышать»⁶. Мудрость старца проявляется и в описании его действий: он, когда размышлял, по словам Гузель, чинил часы, так создается образ времени, которое может становиться неспешным, если

человек перестает бежать за материальным миром. Мудрость и смирение старца имплицитно выражается в данной особенности его поведения, ведь время нельзя «починить», оно неизбежно, но когда о нем задумываешься и познаешь жизнь во всех проявлениях, то и смерть становится следствием жизни, таким же естественным, как и сама жизнь. Вместе со смертью «папы» Гузель останавливается и его время: «Однажды, вернувшись из леса, застали старика мертвым... Странно, маленькая, как соринка, секундная стрелка прилипла к щеке»⁷. Необходимо отметить, что и в авторских словах присутствует выражение национальных представлений татар: мудрость старика связывается с тем, что он уже много видел в жизни в силу своего возраста, так обозначается ценность возраста в аспекте понимания мира.

Однако в повести есть не только образы мудрых мужчин, но и молодых, пылких, сильных личностей. Именно таким предстает перед глазами читателя Ахмет: «Дача принадлежала моему другу, своенравному Ахмету. Он был настолько своенравен и вспыльчив, что мог порушить все вокруг ради своего неустойчивого принципа»⁸. В силу молодости, в нем еще недостаточно опыта, однако, как отмечается в исследовании национального образа мужчины в татарской картине мира, его жизненный опыт – «это поэтапное продвижение вперед, активное развитие и становление. Возможные ошибки на жизненном пути мужчин – это скорее допустимые случайности, из которых всегда есть реальный вы-

ход. Такие ошибки только учат их и делают более мудрыми»⁹.

В повести «Одна осень» образ Ахмета преподносится через различные сравнения и метафоры, свойственные татарскому мировосприятию: «У меня в крови кони скачут» – так говорит о себе Ахмет. Конь в татарской картине мира является статным, стремительным животным, связанным с пониманием свободы. Во многих тюркских народах коня связывают с чистотой, животное нередко понимается как священное, его используют в значимых обрядах, и оно ассоциируется с кочевым образом жизни, и потому не прикреплено к чему-то материальному¹⁰. Так, использование автором метафоры, основанной на внедрении концепта «конь», характеризует Ахмета как своеобразную личность, способную достигать целей, свободную от предрассудков. Целеустремленность является важной характеристикой мужчины в татарской культуре. Его образ у татар также связан с семьей, где каждому отводится своя роль: отец – кормилец и пример для детей, а женщина хранит домашний очаг. В повести у Ахмета и Айи появляется первый ребенок только после долгого времени: до тех пор, пока Ахмет не преисполняется мудрости, чтобы дать своей жене то, чего ей не хватает; без детей мужчине не для кого быть примером, некому передавать жизненный опыт, семья еще не является полной, поэтому после появления первенца Ахмет и Айя обретают спокойствие. «Не могу я без детей!.. С детишками жизнь цветами бы запахла», – так говорит

Ахмет главному герою.

Ахмет может быть и вспыльчивым, однако сразу за этим чувством идет смирение и покорность – именно таким предстает жизненный путь мужчины в татарской картине мира. В момент озарения Ахмет преисполняется искренней радости, которая способна завораживать: «Он прикатил из мира, где здоровье было нормой... Но я попал под его настойчивое излучение. Он победил меня»¹¹. Тема победы также является характерной для тюркских народов, Ахмет, как и подобает истинному мужчине, испытывающему искреннее, сильное чувство, завоевывает свою любовь: «Ахмет переманил ее оттуда опять-таки по своеволию, с яростью влюбленного захватчика. И не отпускал больше от себя. До этой осени»¹².

Женские образы в татарской картине мира характеризуются духовной чистотой. Т.А. Бектемиров, рассматривая образ татарской женщины, отмечает, что она есть душа, опора, свет и тепло семьи, а также указывает на равное положение с мужчинами. Умение проявлять терпение и милосердие – те положительные качества, которыми обладает женщина, они являются проявлением ее мудрости.

В повести «Одна осень» такие черты присущи женскому образу: Гузель предстает перед главным героем воплощением чистоты, герой-повествователь говорит, что искал в женщинах именно созидательное начало, а не вздорность, и именно это качество он находит в Гузель. Несмотря на то, что Ильзатар по профессии

врач, его душевные раны излечивает женщина, дарящая ему свет, тепло и становящаяся непоколебимой опорой. Гузель безропотно помогает глухому старику, проявляя глубокое уважение и милосердие. Она выбирает долг перед лицом любви, но именно это и способно в дальнейшем подарить настоящую радость: «Мы не вправе бежать за радостью, когда рядом стоит горе», – так пишет Гузель в письме Ильзатару. Образ Гузель способствует раскрытию основной идеи произведения: любовь, уважение и милосердие к ближнему способны дарить истинную свободу, не противоречащую моральным принципам. Гузель напоминает главному герою о матери, тем самым раскрывается национальный образ женщины, которая является не только светом в жизни человека, но способна стать опорой.

Концепты «терпение» (сабырлык), «свобода» (азатлык), «единство семьи» (Гаилэ) в образно-смысловой системе произведения. Одним из центральных концептов в татарской картине мира является «терпение». В татарской культуре «терпеть» – это не просто «превозмогать боль»: татарское сабырлык, как и другие ключевые категории, прочно связано с упованием на волю (ирадэ) Всевышнего в сочетании с выносливостью и достоинством. Это качество считается ключевым для идеальной личности татарина и ассоциируется с умением преодолевать оковы людской страсти (нэфес). Поэтому терпение должно быть тихим, скромным (тыйнак), и при этом оно связано с благодарностью (шөкер):

именно так на все испытания Аллаха отвечает человек.

Описанным образом героев характерно терпение (Гузель проявляет терпение к немощному родственнику, Саид и старик, оставшись без жены по разным причинам, терпеливо справляются со своей участью). Терпение воспевается в ключевых памятниках татарской литературы, в первую очередь в «Сказании о Юсуфе» («Кыссайи Йусуф»), а также в фольклоре, например, в пословице «Сабыр төбе – сары алтын» («Терпение – чистое золото»). Часто это слово употребляется в связке күркәм сабырлык – «прекрасное терпение».

К еще одному ключевому концепту в татарской картине мира относится свобода. Татарское азатлык – это стремление к обретению исторической субъектности, осознание себя полноправным творцом собственной судьбы. Семантически это понятие сходно с двумя другими – хөррият и иреклек. Оба означают свободу, но хөррият подразумевает в первую очередь политические права, а иреклек – это свобода выбора. Встречая любовь, главный герой обретает подлинную свободу: «Странно ли, что я ощутил полную свободу. О клинике и не вспоминал, хотя она была до сих пор моим единственным пристанищем, утолением жажды. Но вот наступила осень, поманила в укромное местечко... По всему выходило, я жил в замкнутом пространстве: дом – клиника – дом... О слезах не говорят – “красивые”, “некрасивые”, они – слезы. Нужно было горе, которое я мог бы поде-

лить на двоих. Озарение выхода из потемок»¹³. Однако даже теряя любовь на время, оставаясь в томительном ожидании, душа Ильзатара не становится прежней.

В повести подлинная свобода возможна только тогда, когда она не противоречит морали. Идея объединения является одним из лейтмотивов повести «Одна осень»: «Я верю в провидение. Не просто мы встретились с тобой. Потребовалась куча обстоятельств, стечение моментов, чтобы все сошлось в одной точке. Мне уже нельзя быть больше одному. Никчемная жизнь по определенному кругу, где все предусмотрено. В сущности, безрадостная суэта»¹⁴; «Единственное теперь для них пристанище – воля, до смертного часа, до полной безликости... Кто ловчее – уберезется, и одинокий вой повиснет над лесом. Вместе бы ничего, а в одиночку – конец»¹⁵ (о стае собак); «И пес пойдет со мной рядом – теперь веселее»¹⁶; «Встреча у нас с тобой полезная произошла. Человеку нельзя без встречи, – сказал Калистрат»¹⁷; «Люди пришли на землю, чтобы радовать друг друга и спасать»¹⁸; «Как же ты без меня, Ильзатар?»¹⁹ (речь Гузель); «И были двое перед ясностью осеннего зеркала»²⁰.

Концепт Гаилэ (единство семьи) в татарской картине мира занимает важное место, не случайно молодой человек, который женится, для носи-

теля тюркского языкового сознания в первую очередь обзаводится собственным домом. «Гаилэ» также имеет значение «члены одной семьи». Так, национальный образ единства становится для героев спасением от гнетущего одиночества, в повести он распространяется не только на семейные отношения, но и на потребность человека друг в друге.

Так, в произведении «Одна осень» автор использует национальные образы мужчины и женщины, способствующие раскрытию содержания произведения и транслирующие представления татар; образ является наиболее понятным способом передачи информации, именно поэтому читатель, не знакомый с татарской культурой, легко улавливает национальные татарские коды. В повести также раскрываются ключевые концепты: «терпение» (сабырлык), «свобода» (азатлык), которые приобретают в идейно-тематической структуре произведения особое значение: подлинная свобода возможна только тогда, когда она не противоречит морали, последнее напрямую связано с терпением и смирением. Индивидуально-авторское в произведении связано с проблемой одиночества человека, национальное выступает ответом на эти вопросы: единение ведет к спасению от гнетущей действительности, а терпение и стремление к свободе становятся движущей силой в жизни человека.

Сведения об авторе: Валиуллина Регина Равилевна, старший преподаватель кафедры русского языка и языкознания Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирязова (ИЭУП), г. Казань, Россия, e-mail: kamaliev@list.ru.

Аннотация. В статье анализируется творчество Рустема Кутуя в аспекте национальной картины мира. В повести «Одна осень» рассматривается проявление наци-

ональной картины мира на разных уровнях. Автор использует национальные образы мужчины и женщины, способствующие раскрытию содержания произведения и транслирующие представления татар. Также в повести раскрываются ключевые концепты, которые определяют национальную принадлежность Рустема Кутуя.

Ключевые слова: Рустем Кутуй, национальная картина мира, концепт, образ.

Abstract. The article analyzes the work of Rustem Kutuy in the aspect of the national picture of the world. The story «One autumn» examines the manifestation of the national picture of the world at different levels. The author uses national images of men and women, contributing to the disclosure of the content of the work and broadcasting the views of the Tatars. The story also reveals the key concepts that determine the nationality of Rustem Kutuy.

Key words: Rustem Kutuy, national picture of the world, concept, image.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- 1 Кутуй Р. Узелки на древе // Такая жизнь. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1986. – С. 257.
- 2 Там же.
- 3 Там же.
- 4 Там же. – С. 228.
- 5 Там же. – С. 229.
- 6 Там же. – С. 231–232.
- 7 Там же. – С. 267.
- 8 Там же. – С. 232.
- 9 Нуриева Ф.Ш., Хузина Э.С. Гендерный стереотип образа мужчины в татарских паремиях // Ученые записи Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филологические науки». – 2016. – Т. 2 (68). – № 3. – С. 414.
- 10 Шаряфетдинов Р.Х. Мифопоэтический образ коня как отражение культуры тюркских народов в современной татарской литературе // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. – 2018. – Т. 100. – № 4. – С. 111–113.
- 11 Кутуй Р. Узелки на древе // Такая жизнь. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1986. – С. 246.
- 12 Там же. – С. 232.
- 13 Там же. – С. 259.
- 14 Там же. – С. 263.
- 15 Там же. – С. 243.
- 16 Там же. – С. 245.
- 17 Там же. – С. 252.
- 18 Там же. – С. 258.
- 19 Там же. – С. 265.
- 20 Там же. – С. 266.